

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕНИ СМЕРТИ

Эпизод 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГРОМА

Сменив позывной на «Гром», Семён уже год находился в Харькове. Боевые действия в качестве штурмовика давались ему нелегко, но каждый раз он демонстрировал умный героизм и бесстрашие, спасшие не одну человеческую жизнь. Комбат после очередного ранения Семёна настоял на переводе его на оперативную работу. Начался процесс восстановления в «конторе». Но, как всегда, вмешался случай. Будущий начальник пригласил вечером в кабинет на Лубянке — побеседовать.

Семён пришел. Разговаривали долго. Моложавый генерал-лейтенант вникал во все детали происходящего на фронте. Для него важным было все — от боевой работы до досуга. Но особенно его волновала работа с местным населением и пленными. Насколько они легко вербуются, устойчив ли психологический контакт с источниками? Имеют ли люди склонность к двурушничеству и является ли эта склонность чертой национального характера, которая часто есть результат исторических деформаций? С той страной, которую мы условно именуем Украиной, такое случалось нередко. Поэтому предстояло понять, что происходит там с людьми сейчас. И как национальные особенности проявляются в зависимости от местности. Допустим, с Западной Украиной все понятно и без глубокого анализа. По сути своей это и не Украина вовсе. Тот же Львов: он одинаково ненавидит русских и остальных украинцев, поляков

и претендующих на их земли румын. Работать там сложно. Необходимо многослойное легендирование. Но откуда взялось столько «ждунов» в освобождаемых населенных пунктах на Востоке? Что произошло с этими людьми? На этот вопрос Семён выдал короткую, но доказательную теорию, и она показалась генералу не только интересной, но и убедительной.

— То есть ты считаешь, что реально идейных и всерьез готовых работать на противника на освобожденных территориях — единицы? И что это скорее проявление маргинализации, умноженной на корысть и личные проблемы? И что, эти установки легко разбиваются? — спросил генерал.

Семён взялся отвечать, рисуя давно назревшую перспективу к акцентированной и масштабной работе с украинской агентурой, которую предстояло вербовать заново, с новыми мотивами и задачами, с совершенно иными настройками и целями.

Фразы Семёна были краткими и четкими. При этом, описывая собственное видение, он увлеченно делился наблюдениями и давно созревшими выводами.

Генерал взял телефон и отправил кому-то сообщение. Встал, разомкнул застёжку галстука, повесил его на спинку стула и туда же — китель.

— Ну что, полковник, а давай-ка мы с тобой нальем, чего зря время тратить? Заодно дождемся одного моего хорошего друга. Он из нашего департамента. Тебе стоит с ним поговорить, — генерал открыл шкаф с сейфом для вина и достал оттуда бутылку армянского коньяка.

За рассказом Семён не заметил, как на столе появились лимончик, колбаска, хлеб, орехи и виноград. Генерал стоя изрек тост: «За Победу!» Семён молча отпил коньяка — всего глоток. Напиток удивил его отменным качеством, и его восхищение отразилось на лице.

— Да, да, отличный, это еще с тех пор, когда Армения подавала надежды и французы окончательно не испортили производство коньяка. Теперь там такого нет, — заметил генерал.

Беседа продолжилась. В кабинет вошел среднего роста, с темной пышной прической, абсолютно «гражданской» внешности улыбчивый мужчина. Несмотря на жаркую погоду, он был в костюме серого цвета, белой рубашке и галстук, а в руке держал обычный старый портфель, с какими на заре перестройки ходили чекисты в советских фильмах.

Он поздоровался и, не делая первого шага к знакомству, посмотрел на Семёна. Семён тоже выжидал.

Немую сцену прервал генерал:

— Знакомьтесь, это Виталий, руководитель нашего самого необычного направления. Ты должен был о нем слышать. Виталий, это Семён, я тебе о нем говорил. Хотел познакомить лично. Давай я не буду тянуть и скажу тебе, Семён, сразу: хочу рекомендовать тебя в это подразделение. Они занимаются внешними задачами, хоть и входят в нашу систему. Им как раз нужен твой опыт. Вы пока поговорите, а я должен сходить наверх, отнесу на утро докладные.

Генерал вышел. Минуло всего полчаса, но этого времени оказалось достаточно, чтобы судьба Семёна была полностью решена. Уже через неделю он находился на передовой, в родном батальоне. Но совсем с другими задачами.

Именно в тот вечер, когда они сидели с Виталием в кабинете генерал-лейтенанта на Лубянке, у Семёна сложился почти идеальный план внедрения в среду противника. И что важно, с постоянным проживанием на его территории. Вся проблема заключалась в легенде. И в надежном прикрытии, которое должно было иметь долгосрочный характер и не вызывать ни у кого подозрений. Имелись и другие кусочки пазла, которые предстояло найти и закрыть ими «дыры», имеющиеся на тот момент в дорожной карте операции.

Уже год Семён не мог отделаться от мыслей о Зое — медсестре, которая выхаживала его в госпитале в самом начале СВО. Тогда ее глаза, аромат и чистое невинное чувство вызвали у него бурю эмоций, но он подавил в себе все мужские желания и не ответил ей взаимностью. Он считал себя ответственным за нее, а в ее лице — за всех таких же юных девушек, которые становились опорой буду-

щей жизни на освобожденных территориях. Тогда он не посмел даже встретиться с ней после выписки из госпиталя. Но все эти месяцы расспрашивал всех, кто хоть что-то мог знать о ней. Старался регулярно отправлять Зое небольшие суммы на учебу. Она мечтала поступить в медицинский, однако пока не имела возможности, так как не могла оставить госпиталь, ведь каждому из ежедневно прибывающих раненых она была нужна как воздух.

Семён понимал, что он привык к этой девушке и уже не мыслит жизни без нее. Когда он прощался с ней, выписываясь из госпиталя, его смущала разница в возрасте, но теперь даже она не казалась ему существенным фактором.

Семён набрал Зою и попросил о встрече. Выбравшись на «буханке» с первой линии, он приехал в одно из кафе, коих было теперь много в Донецке. Он постарался найти местечко, максимально отдаленное от Куйбышевского района, куда постоянно летело все, чем мог дотянуться до нас противник.

Зоя вошла и тут же растерялась. Ее щеки покраснелись. Это стало особенно заметно при свете лампы, что стояла на столике в полутемном заведении. Светлые волнистые волосы аккуратно уложены, красная помада подчеркивала красоту губ, сложенных в привлекательной улыбке. Глядя на Зою, Семён почувствовал, как мысли о войне покидают его и появляется знакомый трепет в груди. Он ее любит. Мужчина понимал, что это недопустимо в текущей ситуации, при этом дал себе обещание сделать все, чтобы Зоя была счастлива. С ним или без него.

— Зоя, — начал Семён, — мы с тобой непременно поговорим обо всем, но позже. А сейчас хочу спросить у тебя без обиняков: готова ли ты на настоящий подвиг? Что ты скажешь, если я предложу тебе сложное задание — там, на территории противника?

И далее Семён в деталях изложил свой план. Зоя слушала внимательно и сосредоточенно. Семён видел, как она меняется, он даже подобрал для такого ее состояния слово. «Взрослеет». Казалось, она повзрослела за время этого разговора. Стала совсем другой. Это было похоже на то, о чем пишут в книгах: как молодой паренек становится

героем, повзрослев в ту секунду, когда он бросается на противника с зажатою в руке гранатой. Происходит его полное преобразование: из мальчика человек превращается в мужчину и уходит в вечность. Так человеческая душа становится бессмертной, а человек — святым, отдавая жизнь за всех: за страну и народ.

Перед глазами Зои стояли застывшие картины последних минут гибели ее близких от разорвавшейся ракеты. Они до сих пор не были отомщены. Зоя служила в госпитале и делала больше чем могла, фантазируя, что это ее возможность вернуть жизни родителям и брату.

В тот страшный день они выходили из магазина, а пьяные боевики, стоявшие в Авдеевке, из-под террикона нанесли удар РСЗО по спальному району Донецка. С тех пор она искала внутреннего освобождения от непроходящей боли и удушья. А еще — от бесконечного одиночества, которое ничем нельзя заполнить. Со временем (сама не поняла, как это случилось) она начала молиться и все больше и больше находила спасение в церковной жизни. Но сильнее всего ее вдохновлял образ блаженной Ксении Петербургской. Однажды раненый солдат рассказал Зое об этой святой удивительную историю, которую ему в свою очередь поведала подруга его бабушки.

Речь шла о чудесном спасении Ксенией Петербургской одного бойца. В наше время. История невероятная для человека, далекого от православия или Петербурга, жителей которого удивить чудесами про блаженную Ксению невозможно.

События произошли во время войны в Чечне. Молодой парень служил в составе подразделений, участвовавших в контртеррористической операции против боевиков. Военная часть стояла на краю леса, совсем недалеко от Грозного. Обстановка была напряженная: каждую ночь приходилось отражать попытки диверсионных заходов противника, противостоять артобстрелам, разминировать ловушки рядом с частью.

Серые будни войны сливались в один нескончаемый день. Но однажды в жизни этого бойца произошло настоящее чудо. К нему приехала мама. Без предупреждения. Просто появилась на КПП с небольшой сумкой, и он, растерянный и счастливый, не мог по-

верить своим глазам. Командир, услышав, что пришла мать, с радостью отпустил его в краткосрочное увольнение — разрешил пойти в лесополосу, куда боевики не доходили, так как эта территория уже была под нашим контролем.

— Иди, солдат, мать дороже любого устава, только будь аккуратен, далеко не отходите, — бросил он с улыбкой.

Они пошли гулять по лесу. Мама тихо рассказывала о доме, о том, как скучает, как переживает за него. Он, слушая ее голос, такой родной, вдруг почувствовал себя снова мальчишкой, оказавшимся под маминым крылом. Ветер шевелил верхушки деревьев, листья шуршали под ногами, а где-то вдали едва слышно журчал ручей. Казалось, что война — это просто дурной сон, который исчезнет, стоит лишь открыть глаза.

Они зашли довольно далеко. В какой-то момент мама остановилась, взяла его за руку и посмотрела в глаза.

— Главное, сынок, ты береги себя и молись, как умеешь. Считай, что это мой наказ, — сказала она, словно знала что-то такое, что ему было неизвестно.

Они вернулись, а военной части уже не было. Она превратилась в дымящиеся руины. Солдаты... его боевых товарищей зверски убили. Если бы он остался... Они с мамой смотрели на этот кошмар молча, но по губам матери парень понял, что она, не издавая ни звука, молится.

Прибывшие из соседних подразделений военные обнаружили «гражданскую» женщину и попросили ее пройти в узик для эвакуации. Она обняла сына и уехала. А его перевели в другую часть. Война продолжилась, но он знал: если бы не ее приезд, он бы не вернулся домой.

Спустя некоторое время после окончания войны и его возвращения домой они сидели за семейным столом. Мама расспрашивала о тех днях.

— Да, мама, если бы ты тогда не приехала... — начал было он. Но она неожиданно перебила его:

— О чем ты, сынок? Я не приезжала в Чечню. Как могла я там быть?

Он уставился на нее, не понимая.

— Неужели все это плод моего воображения? Но я помню каждую деталь. Помню руку, ободряющий взгляд...

— Я молилась, сынок, — тихо сказала она, отводя взгляд. — Молилась непрестанно. Ксении Петербургской. Просила ее уберечь тебя. Может, это она и явилась вместо меня?

Зоя дослушала рассказ и не смогла сдержать слез. Она выбежала из палаты и долго сидела в ординаторской.

— Почему же я не знала тебя раньше, Ксения?! — воскликнула девушка. — Ты бы обязательно их спасла!..

Чуть позже она прочла житие святой, о которой до сих пор не слышала, но которая по совершенно необъяснимым причинам стала вдруг такой близкой. И сразу все стало понятно. Зоя выдохнула, ощутив свободу и легкость. Будто тяжкий груз упал с ее плеч. Перестало болеть внутри. Она словно впервые увидела рассвет теплым летом. Она поняла, что ее жизнь — это и есть продолжение жизней ее мамы, папы и брата. Что она может дать жизнь дорогим и так рано ушедшим близким — так же, как это сделала блаженная Ксения, которая после смерти мужа провозгласила, что это не муж умер, а она сама, и назвалась мужниным именем: Андрей Федорович.

Но теперь она стояла перед важным решением, и оно, казалось, никак не сочеталось с тем, с чем встретилась Зоя в своей духовной жизни. Сейчас Семён предложил ей свершить то, без чего справедливость не могла восторжествовать — возмездие!

Да, она хотела отомстить за смерть родных. Но не конкретному человеку, а врагу — тому собирательному образу врага, который находится вне времени и не имеет обличья. Он ждет отмщения и требует ненависти к себе, поднимая даже самого слабого и потерявшего самообладание воина на ратный бой.

Это был тот самый момент. Она согласилась.

В секретных документах (в кабинетах Лубянки) операцию называли «Зоя». К ее подготовке приступили в этот же день.